

Общая психология, психология личности, история психологии

УДК 159.923.2
ББК Ю953.2

DOI: 10.14529/psy180301

УСПЕХ И НЕУДАЧА КАК ФАКТОРЫ ВЗАИМОСВЯЗИ ПРЕДЫДУЩЕЙ И ПОСЛЕДУЮЩЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Н.А. Батурин

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Россия

В описанном исследовании представлены результаты проверки гипотезы о том, что успех и неудача на завершающем этапе предшествующей деятельности выступают в роли факторов междеятельностной регуляции (взаимосвязи предшествующей и последующей деятельности), оказывая существенное влияние на параметры этапа инициации следующей деятельности. В качестве параметров, контролируемых в экспериментальном исследовании, были выделены: а) специфика выбираемой последующей деятельности – жестко-, средне- и совсем не связанной с достижением какого-либо результата; б) выбор величины уровня цели в процессе дальнейшего целеполагания и в) величина ситуативной мотивации достижения. Для половины выборки испытуемых с помощью двух экспериментальных процедур искусственно создавались вначале ситуации успеха, затем неудачи. Для другой половины респондентов ситуации были диаметрально противоположны: неудача, а потом успех. Результаты публикуемого исследования позволяют более обоснованно утверждать, что успех и неудача как сложные когнитивно-аффективные оценочные комплексы, возникающие на завершающем этапе предыдущей деятельности, оказывают специфическое влияние на контролируемые параметры этапа инициации последующей деятельности, что подтверждает гипотезу о наличии у них междеятельностных регуляторных эффектов.

Ключевые слова: успех, неудача, деятельность, междеятельностная регуляция, целеполагание, мотивация достижения.

Для современного этапа развития психологической науки характерен переход от аналитических представлений и описаний психических явлений к пониманию их многомерности и многоуровневости, динамичности связей между ними, т. е. к пониманию системного характера психики в целом и отдельных ее феноменов. Наиболее заметным признаком этого сдвига в психологии является переход к изучению деятельности как сложной функциональной системы, динамически развертывающейся во времени в форме интегрального процесса, в возникновении и реализации которого участвуют практически все психические явления. В то же время в психологии деятельности, на наш взгляд, недостаточно внимания уделяется двум важнейшим моментам. Во-первых, в представлениях о деятельности как о «целостном акте» (по терминологии Л.И. Анциферовой) почти все внимание

сконцентрировано на двух ее этапах: на этапе *инициации*, включающем в себя все причины и факторы, приводящие к ее возникновению, и на этапе *исполнения*, включающем в себя все механизмы и способы достижения целей деятельности. При этом из поля зрения исследователей фактически выпадает третий – *завершающий* – этап деятельности, включающий в себя процессы осмысления полученных результатов и переживаний в связи с достижением или не достижением поставленных целей. Во-вторых, концентрация внимания на «целостном акте деятельности» приводит к выпадению из поля зрения исследователей чаще всего именно тех факторов и механизмов связей между отдельными актами деятельности, которые и обеспечивают превращение отдельных актов в *целостную жизнедеятельность* человека (Ананьев, 1968; Гербачевский, 1973; Конопкин, 1980).

В одной из более ранних публикаций автора была представлена попытка концептуально выделить и обосновать существование во временной развертке целостного акта деятельности, наряду с этапами инициации и исполнения, еще и *завершающего этапа деятельности*. Этот этап начинается после завершения последних попыток достичь цель или удовлетворить потребность, а заканчивается после полного «затухания» всех процессов, вызванных оценкой и самооценкой достигнутых результатов в деятельности. Кроме того, было показано, что именно на этом этапе (в тех случаях, когда деятельность является особо значимой для субъекта или общества) образуются сложные когнитивно-аффективные оценочные комплексы, осознаваемые субъектом деятельности в виде целостных гештальтов: успеха или неудачи (Батурин, 1998).

В настоящей публикации представлены результаты экспериментального исследования специфики влияния успеха и неудачи завершающего этапа предыдущей деятельности на начальный этап новой деятельности. В частности, изучалось влияние на процессы мотивации и целеполагания новой деятельности или выбор других альтернативных видов активности. Тем самым осуществлена проверка гипотезы о возможности рассматривать успех и неудачу в качестве факторов, обеспечивающих междеятельностную регуляцию.

Методики и организация исследования **Методики и дизайн исследования**

1. Для *вызывания успеха и неудачи* в одном из двух видов деятельности использовались специально разработанные для этого методические процедуры, достаточно подробно описанные в предыдущих публикациях (Асмолов, 1982; Батурин, 1980).

2. Для диагностики изменения *мотивации достижения* после успеха или неудачи применялась известная классическая проективная методика Х. Хекхаузена (Heckhausen, 1963). Однако в связи с тем, что задачей исследования было изучение ситуативных изменений мотивации, а не диагностика уровня развития мотивов достижения как устойчивых личностных образований (для чего, собственно говоря, и предназначена методика), она использовалась нетрадиционно.

Во-первых, 6 заданий-картинок, составляющих стимульный материал методики, были разделены на две равноценные части по

3 картинки таким образом, что в каждую часть вошло одинаковое количество картинок, стимулирующих темы успеха и неудачи и дающих в среднем по всем трем картинкам примерно равное количество засчитываемых по ключу категорий с тремя картинками другой части методики (1, 3 и 6-я картинки и 2, 4 и 5-я картинки набора соответственно).

Во-вторых, было нарушено основное требование традиционного алгоритма проведения методики, заключающееся в создании условий, являющихся нейтральными без какой-либо стимуляции мотивации достижения. Как правило, в организационном плане достижение такого требования обеспечивается проведением методики либо отдельно от других экспериментальных процедур, либо первой по очередности из всей батареи методик до появления каких-либо намеков на ситуацию достижения.

В описываемом исследовании одна из двух частей методики (в случайной очередности) предъявлялась испытуемым до проведения первой методической процедуры по искусственному вызыванию успеха или неудачи, но после объяснения того, что будет требоваться от испытуемых в дальнейшем. Инструкция специально была направлена на актуализацию мотивации достижения. Другая же половина методики проводилась перед началом новой деятельности уже после того, как испытуемым были искусственно созданы успех или неудача в предшествующей деятельности и у него сформировалось ожидание продолжения аналогичных испытаний. Между обследованиями выдерживался промежуток в 2–3 дня.

3. Для диагностики изменения *целеобразования* после успеха или неудачи использовалась экспериментальная процедура, сущность которой заключалась в том, что испытуемому перед выполнением новой деятельности предлагается выбрать уровень трудности заданий и тем самым у него возникает необходимость установить явную цель предстоящих действий. В связи с этим был применен вариант процедуры с начислением баллов за достигнутый уровень цели, аналогично процедурам для диагностики уровня притязаний (Батурин, Курганский, 1980; Бороздина, 1993).

В качестве заданий использовались такие же задания-стимулы, что и в процедурах искусственного вызывания успеха и неудачи:

1) задания на время реакции на сложный раздражитель и 2) задания из субтеста «Кубики Кооса». Причем, характер этих заданий заявлялся для испытуемого как «пробные испытания», но их результаты тем не менее в дальнейшем учитывались. Испытуемые выполняли по 3 пробы, каждый раз устанавливая «уровень цели» (оцениваемый от 1 до 9 баллов по возрастающей) до начала выполнения задания.

Для дальнейшего анализа результатов рассчитывались и учитывались два показателя:

- 1) уровень цели по величине первого выбора;
- 2) уровень цели по средней величине всех трех выборов.

Первый из них был выбран как показатель самого спонтанного выбора цели, второй – как показатель, восполняющий некоторую случайность первого выбора, но в то же время не очень зависящий от ситуативных успехов и неудач испытуемого в первых пробах при выполнении задания.

Для диагностики *выбора вида активности*, связанной или не связанной с ситуациями достижения, испытуемым перед началом новой деятельности (после успеха или неудачи в предыдущей) предлагалось выбрать один из трех различных видов активности:

1) они могли выбрать испытание своих возможностей в такой же, как и прежде, деятельности, связанной с достижением, но только в другой сфере. Тем, кто в первый день выполнял задания на скорость сенсомоторной реакции, предлагались задания на конструктивное мышление (кубики Кооса), и наоборот;

2) они могли выбрать в течение такого же интервала времени решение кроссвордов (те, кто в первый день при искусственном вызывании успеха или неудачи выполнял сенсомоторные задания) или игру на компьютере на время реакции (те, кто в первый день при искусственном вызывании успеха или неудачи выполнял задания на конструктивное мышление). При этом испытуемые могли сами учитывать свою успешность в решении кроссвордов или в компьютерной игре, но они знали, что она не учитывается экспериментатором;

3) они могли в течение такого же интервала времени, что и на выполнение испытуемыми, выбравшими предыдущие варианты активности после успеха или неудачи, просто послушать музыку или посмотреть журналы.

Таким образом, у испытуемого после успеха или неудачи в предыдущей деятельности была возможность выбора между тремя видами активности:

- 1) деятельность, тесно связанная с достижением результатов;
- 2) деятельность, слабо связанная с достижением результатов;
- 3) активность, совсем не связанная с достижением каких-либо результатов.

Организация исследования. Лабораторная часть исследования проводилась индивидуально в течение двух дней с перерывами между экспериментами в 2–3 дня. В первый день эксперимент начинался с объяснения целей исследования, в ходе которого проводилась актуализация потребности достижения и исходных замеров показателей мотивации достижения и целеполагания. После этого выборка испытуемых разделялась на две подгруппы, первой из которых создавался успех по одной из описанных выше методических процедур, а второй – неудача. Через 2–3 дня эксперимент возобновлялся с контрольных замеров показателей мотивации достижения и целеполагания. После этого испытуемым предлагалось выбрать, каким видом активности он будет заниматься дальше: продолжит эксперимент на выявление своих возможностей, но в другой сфере; войдет в «контрольную группу» и будет заниматься в течение такого же времени на выбор: решать кроссворды (играть на компьютере – для испытуемых, которые в первый день выполняли задание на мышление) или же будет просто отдыхать, занимаясь прослушиванием музыки либо просматривая журналы. В дальнейшем испытуемые занимались выбранным делом (видом активности). Причем для тех испытуемых, кто выбрал деятельность с испытанием своих возможностей, в случайном порядке создавался успех или неудача.

Выборка исследования. Всего по такой программе проведения эксперимента было обследовано 60 человек в возрасте от 17 до 24 лет.

Результаты исследования и их обсуждение

Исходным пунктом анализа результатов стало сравнение численности испытуемых, выбравших новые виды активности после успеха или неудачи в предыдущей деятельности.

Численность испытуемых, выбравших один из трех видов активности после успеха или неудачи в предыдущей деятельности

Период	Виды активности (деятельности)			Статистики	
	Жестко связанная с достижением результата	Слабо связанная с достижением результата	Не связанная с достижением результата	χ^2	P
После успеха	13 (65 %)	5 (25 %)	2 (10 %)	7,95	0,05
После неудачи	6 (30 %)	12 (60 %)	2 (10 %)	5,9	–
Разность	7	–7	0	–	–
$K_{\text{конт}}$	4,01			–	–
P	0,05			–	–

Примечание. Наименование статистик: $K_{\text{конт}}$ – критерий контингенции Фишера; χ^2 – критерий Пирсона; p – значимость различий.

В табл. 1 приведены статистические показатели выборки испытуемых, выбравших тот или иной вид активности. Характерно, что после успеха большинство испытуемых (65 %) выбрало деятельность, в которой проводилось испытание их возможностей, то есть жестко связанную с достижением. Деятельность, слабо связанную с достижением, выбрали четверть выборки (25 % ее численности) и пассивный отдых только каждый седьмой испытуемый (15 % выборки). Сравнение распределения количества испытуемых, реально выбравших один из видов активности, с теоретическим распределением выборов («одинаковое количество выборов» каждого вида) по критерию χ^2 -Пирсона (Бернштейн, 1968) выявило значимое отличие ($p < 0,05$), что реально свидетельствует в пользу существования преимущественного выбора после успеха в деятельности, жестко связанной с достижением.

После неудачи статистические данные по характеристикам выборов были существенно отличающимися. Только треть выборки испытуемых (30 % ее численности) выбрали продолжение деятельности, связанной с достижением, более половины выборки (60 %) предпочли заняться деятельностью, слабо связанной с достижением, а 10 % – пассивный отдых. Сравнение распределения численности испытуемых, выбравших один из видов активности после неудачи, с теоретическим одинаковым количеством выборов по критерию χ^2 -Пирсона показало, что различий на значимом уровне нет, хотя они очень близки к нему ($\chi^2 = 5,9$).

Тем не менее, было установлено, что выборы видов активности после неудачи несуще-

ственно отличаются между собой у различных испытуемых. Большинство из них предпочло заниматься деятельностью, слабо связанной с достижением каких либо результатов.

Сравнение результатов по критерию контингенции Фишера (Бернштейн, 1968) показало, что имеются достоверные ($p < 0,05$) различия в выборах деятельностей как жестко, так и слабо связанных с достижением после успеха с выборами аналогичных видов деятельности после неудачи. После успеха предпочтительной для испытуемых является деятельность, жестко связанная с достижением, а после неудачи они чаще избегают ее, предпочитая менее связанную с достижением активность.

На втором этапе анализ результатов проводился сначала путем сравнения изменений показателей целеполагания (значения уровней цели по «первому выбору» и по «трем выборкам») до успеха и неудачи в предыдущей деятельности и перед попыткой осуществления новой деятельности. Результаты сравнения показателей приведены на рис. 1.

И представленных на рис. 1 статистических данных следует, что после успеха уровень целей, которые испытуемый ставит перед собой, растет по обоим показателям. Причем по показателю «средней величины трех выборов» различие достигает значимого уровня ($p < 0,05$). После неудачи изменения противоположны, что, в принципе, имеет логичное объяснение. Перед новой деятельностью испытуемые в среднем снижают уровень своих притязаний, и по показателю «первый выбор» различия достигают значимого уровня ($p < 0,05$).

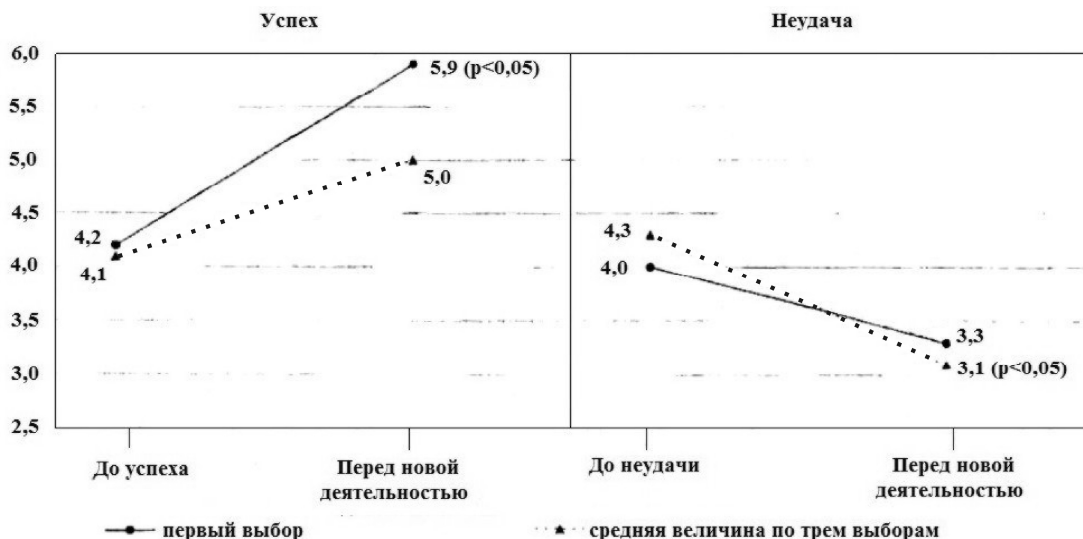

Рис. 1. Диаграммы изменений показателей целеполагания после успеха и неудачи

Естественным продолжением анализа этих же данных является сравнение сдвигов средних величин показателей целеполагания после успеха в сравнении с неудачей (табл. 2).

Таким образом, сдвиги уровней цели существенно отличаются, особенно по показателю «трех выборов» ($p < 0,05$).

Продолжением анализа проблемы меж-

деятельностных регуляторных эффектов успеха и неудачи являлось изучение их влияния на мотивацию достижения. В табл. 3 представлены результаты сравнения средних величин показателей мотивации до создания ситуации успеха и неудачи, также и перед новой деятельностью.

Согласно табличным данным, успех

Таблица 2
Сравнение сдвигов (разностей) средних величин показателей целеполагания после успеха и неудачи, замеренных перед началом новой активности

Период	Сдвиг уровня цели (по первому выбору)	Сдвиг среднего уровня цели (по трём выборам)
После успеха	0,9	1,7
После неудачи	-1,2	-0,7
Разность	2,1	2,4
t-критерий	2,2	2,6
p	0,05	0,05

Таблица 3
Сравнение средних величин показателей мотивации достижения до ситуаций успеха и неудачи, а также перед новой деятельностью

Наименование статистик	Характеристики мотивации			
	«Надежда на успех» (HE)	«Страх перед неудачей» (FM)	«Чистая надежда» (HE-FM)	Общая мотивация (HE+FM)
М-до успеха	2,8	1,6	1,2	4,4
М-перед новой деятельностью	3,4	1,4	2,0	4,8
Разность	-0,6	0,2	-0,8	-0,4
t-критерий	1,2	0,8	-1,9	-0,9
P	-	-	-	-
М-до неудачи	2,8	1,5	1,3	4,3
М-перед новой деятельностью	2,5	2,7	-0,2	5,2
Разность	0,3	-1,2	1,5	-0,9
t-критерий	0,7	-2,0	2,4	-1,8
P	-	-	0,05	-

Примечание. Наименование статистик: М – средняя арифметическая величина, t – критерий Стьюдента, p – значимость различий.

в предыдущей деятельности не вызывает существенных изменений, однако отличия средних величин по показателю «чистая надежда» очень близки к значимому уровню ($t = 1,9$). Другими словами, после ситуации успеха надежда на успех заметно увеличивается.

В целом неудача оказывает большее влияние на мотивацию достижения. Средняя величина показателя «чистая надежда» существенно снижается ($p < 0,05$), а «общая мотивация» возрастает до уровня, при котором средние величины близки к значимым ($t = -1,8$). Причем показатель «общая мотивация» увеличивается за счет вклада переменной «страха перед неуспехом».

То, что в эксперименте не было обнаружено значительных изменений в первичных показателях мотивации достижения – как в «надежде на успех», так и «страхе перед неуспехом», можно объяснить тем, что использованная в исследовании методика Х. Хекхаузена изначально была предназначена для измерения величины устойчивых характеристик личности – мотивов стремления к успеху и избегания неудачи, а в описываемом исследовании она была «приспособлена» к выявлению ситуативных изменений актуальной мотивации. В связи с этим изменения, обнаруженные с помощью валидной, но «непрямой» (для описываемого исследования) методики, представляются еще более показательными.

Общая картина изменений в мотивации достижения перед новой деятельностью, а также результаты сдвигов исследованных показателей представлены в диаграмме на рис. 2.

В диаграммах прослеживается, что успех по сравнению с неудачей вызывает противоположные по направленности изменения в показателях мотивации достижения.

При этом влияние неудачи является более существенным за счет больших сдвигов «страха перед неудачей». В связи с этим производный показатель «чистая надежда» изменяется настолько, что его сдвиги достигают значимых ($p < 0,05$) различий по сравнению со сдвигами после успеха. Расчеты таких сравнений в сдвигах показателей мотивации приведены в табл. 4.

Полученные результаты об изменении мотивации достижения и их анализ свидетельствуют о различных эффектах успеха по сравнению с неудачей и ее эффектами. Выявленные отличия по абсолютным величинам не столь велики из-за описанных выше методических проблем, связанных с качеством измерения актуальной мотивации достижения. Однако общая картина изменений позволяет с большей уверенностью говорить о наличии междеятельностных (в контексте исследования предыдущей и последующей деятельности) регуляторных эффектов успеха и неудачи на мотивацию.

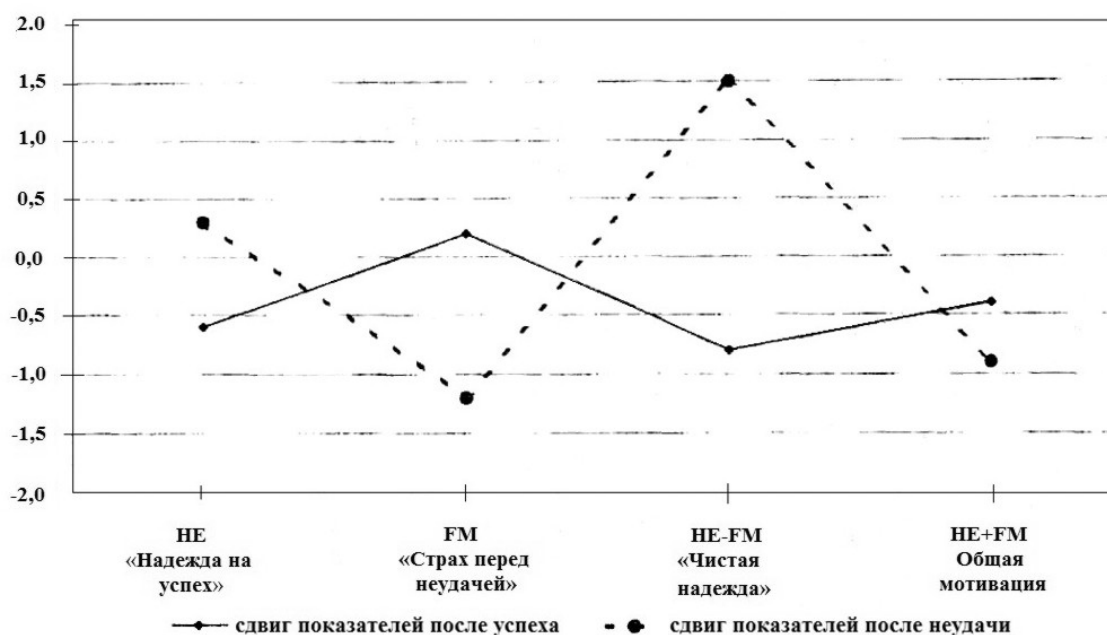

Рис. 2. Диаграммы сдвигов средних величин показателей мотивации достижения после успеха и неудачи

Таблица 4

Сравнение сдвигов средних величин показателей мотивации достижения после успеха и после неудачи

Наименование статистик	Характеристики мотивации			
	«Надежда на успех» (HE)	«Страх перед неудачей» (FM)	«Чистая надежда» (HE-FM)	Общая мотивация (HE+FM)
После успеха	-0,6	0,2	-0,8	-0,4
После неудачи	0,3	-0,9	1,5	-0,9
Разность	-	1,4	-2,3	0,5
t-критерий	-0,8	1,2	-2,1	0,7
P	-	-	0,05	-

Вывод

Таким образом, результаты описанного в настоящей публикации исследования позволяют более обоснованно говорить о том, что успех и неудача как сложные когнитивно-аффективные оценочные комплексы оказывают влияние на регуляцию выполнения не только в рамках той деятельности, в которой они возникли, но и обладают междеятельностными регуляторными эффектами. В частности, успех и неудача в предшествующей деятельности оказывают существенно различное влияние:

а) на выбор последующей деятельности – «жестко» связанной, «средне» связанной или совсем не связанной с достижением какого-либо результата;

б) на выбор величины уровня цели в процессе последующего целеполагания;

в) на величину ситуативной мотивации достижения – стремления к успеху и избегания неудачи.

Литература

1. Ананьев, Б.Г. Человек как предмет познания / Б.Г. Ананьев. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. – 339 с.

2. Асмолов, А.Г. Основные принципы психологического анализа в теории деятельности / А.Г. Асмолов // Вопросы психологии. – 1982. – № 2. – С. 14–27.

3. Батурин, Н.А. Влияние успеха и неудачи на функциональное состояние и результативность деятельности: дис. ... канд. психол. наук / Н.А. Батурин. – Л., 1980. – 166 с.

4. Батурин, Н.А. Завершающий этап деятельности и проблема механизмов междеятельностной регуляции / Н.А. Батурин // Теоретическая, экспериментальная и практическая психология: Сборник научных трудов. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 1998. – Т. 1. – С. 3–12.

5. Батурин, Н.А. Уровень притязаний как метод исследования личности / Н.А. Батурин, Н.А. Курганский // Диагностика психических состояний в норме и патологии. – Л., 1980. – С. 140–148.

6. Бернштейн, А.Л. Справочник статистических решений / А.Л. Бернштейн. – М.: Статистика, 1968. – 162 с.

7. Бороздина, Л.В. Исследование уровня притязаний / Л.В. Бороздина. – М.: Изд-во Института психологии РАН, 1993. – 140 с.

8. Гербачевский, В.К. Уровень притязаний и характеристики интеллекта / В.К. Гербачевский // Психодиагностические методы (в комплексном лонгитюдном исследовании студентов). – Л.: Изд-во ЛГУ, 1973. – С. 101–105.

9. Конопкин, О.А. Психологические механизмы регуляции деятельности / О.А. Конопкин. – М.: Наука, 1980. – 256 с.

10. Heckhausen, H. Hoffnung and Puroht in der Leitungsmotivation / H. Heckhausen. – Meisenheim/Glan: Nainf, 1963. – 387 p.

Батурин Николай Алексеевич, доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии, психологической диагностики и консультирования, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), nikbat@list.ru

Поступила в редакцию 3 июля 2018 г.

SUCCESS AND FAILURE AS FACTORS OF THE RELATIONSHIP BETWEEN PREVIOUS AND SUBSEQUENT ACTIVITIES

N.A. Baturin, nikbat@list.ru

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

The article presents the findings of testing hypothesis that success and failure at the final stage of the previous activity act as factors of interactivity regulation, having a great impact on the parameters of the initiation phase of the next activity. There were identified the following controlled parameters in the pilot study: a) the specificity of the selected follow-up activity – rigidly and mediumly connected with the achievement of any result and completely unrelated; b) the choice of the goal level in the process of further goal-setting and c) the value of situational motivation for achievement. It was artificially created success firstly and then failure for the half of research subjects. On the contrary it was created failure at first and success next for other half of subjects. The results of the whole study make it possible to affirm more reasonably that success and failure as complicated cognitive-affective evaluation complexes, that arise at the final stage of the previous activity, have a specific impact on the controllable parameters of the initiation stage of the subsequent activity. This confirms the hypothesis that they possess inter- activity regulatory effects.

Keywords: success, failure, activity, interactivity regulation, goal-setting, achievement motivation.

References

1. Anan'ev B.G. *Chelovek kak predmet poznaniya* [Man as an Object of Knowledge]. Leningrad, LGU Publ., 1968. 339 p.
2. Asmolov A.G. [Basic Principles of Psychological Analysis in the Theory of Activity]. *Voprosy psikhologii* [Psychological Issues]. 1982, no. 2, pp. 14–27. (in Russ.)
3. Baturin N.A. *Vliyaniye uspekha i neudachi na funktsional'noye sostoyaniye i rezul'tativnost' deyatel'nosti: diss. kand. psikhol. nauk* [Influence of Success and Failure on the Functional State and Effectiveness of the Activity. Diss. Cand. (Psychology)]. Leningrad, 1980. 166 p.
4. Baturin N.A. [The Final Stage of Activity and the Problem of the Mechanisms of the Interactivity Regulation]. *Teoreticheskaya, eksperimental'naya i prakticheskaya psikhologiya: Sbornik nauchnykh trudov* [Theoretical, Experimental and Practical Psychology: Collection of Research Papers]. Chelyabinsk, South Ural St. Univ. Publ., 1998, vol. 1, pp. 3–12. (in Russ.)
5. Baturin N.A., Kurganskiy N.A. [The Level of Aspiration as a Method of Personality Investigation]. *Diagnostika psikhicheskikh sostoyaniy v norme i patologii* [Diagnosis of Mental States in Norm and Pathology]. Leningrad, 1980, pp. 140–148. (in Russ.)
6. Bernstejn A.L. *Spravochnik statisticheskikh resheniy* [Guide of Statistical Decisions]. Moscow, Statistika Publ., 1968. 162 p.
7. Borozdina L.V. *Issledovaniye urovnya prityazaniy* [Investigation of the Level of Aspiration]. Moscow, "Institute of psychology Russian academy of sciences" Publ., 1993. 140 p.
8. Gerbachevskiy V.K. *Uroven' prityazaniy i kharakteristiki intellekta* [The Level of Claims and Characteristics of Intelligence]. *Psikhodiagnosticheskiye metody (v kompleksnom longitudinalnom issledovanii studentov)* [Psychodiagnostic Methods (in Complex Longitudinal Study of Students)]. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1973, pp. 101–105. (in Russ.)
9. Konopkin O.A. *Psikhologicheskiye mekhanizmy regulyatsii deyatel'nosti* [Psychological Mechanisms of Activity Regulation]. Moscow, Science Publ., 1980. 256 p.
10. Heckhausen H. *Hoffnung und Purcht in der Leitungsmotivation*, Meisenheim/Glan, Nainf, 1963. 387 p.

Received 3 July 2018

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Батури́н, Н.А. Успех и неудача как факторы взаимосвязи предыдущей и последующей деятельности / Н.А. Батури́н // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». – 2018. – Т. 11, № 3. – С. 5–12. DOI: 10.14529/psy180301

FOR CITATION

Baturin N.A. Success and Failure as Factors of the Relationship Between Previous and Subsequent Activities. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Psychology*. 2018, vol. 11, no. 3, pp. 5–12. (in Russ.). DOI: 10.14529/psy180301